

Recensiones

Рецензии

УДК 94(44).»1920/1939», ББК 63.3(4Фра)61

Н. В. Турыгина

БЕЖЕНЦЫ, АПАТРИДЫ, ИММИГРАНТЫ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД

Окончание Первой мировой войны и становление Версальско-Вашингтонской системы международных отношений привели к перекройке политической карты Европы и формированию национальных государств. Одним из итогов этих процессов стало массовое перемещение беженцев, что потребовало от мирового сообщества координации усилий для урегулирования вопроса.

Институционализации беженства и становлению статуса апатрида на примере широкого потока русских беженцев, последовавшего после революции и Гражданской войны в России, и посвящена изданная в 2014 г. издательством «Новое литературное обозрение» научная монография французского историка-демографа с русскими корнями Катрин Гусефф — «Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы)». Это перевод французского издания — *Gousseff C. L'exil russe. La fabrique du réfugié apatride (1920–1939)*¹, который, безусловно, позволит более широкому кругу русскоязычной аудитории познакомиться с интересными данными и выводами, заслуживающими и внимания, и доверия.

¹ *Gousseff C. L'exil russe. La fabrique du réfugié apatride (1920–1939)*. Paris: CNRS Éditions, 2008.

Автор Катрин Клейн-Гусефф специализируется на изучении истории восточноевропейских миграций в XX в., применяя в своих исследованиях политический и социально-демографический подходы. В настоящее время она возглавляет Центр изучения российского, кавказского и центрально-европейского пространств в Париже (Centre d'études des mondes russe, caucasien et centre-européen).

Данная ее книга — скорее социологическое исследование, основанное на статистическом анализе демографических процессов в среде русской эмиграции во Франции, предпринятом с учетом внутривосточной и международной обстановки изучаемого периода. Так, русская эмиграция во Франции рассматривается не только на фоне положения диаспоры в других европейских странах, но и с учетом миграционных процессов в регионе в целом. Проводимые параллели, представленные в диаграммах и схемах, позволяют наглядно оценить как общие тенденции потоков человеческих ресурсов, так и специфику русской диаспоры.

Источниковую базу исследования составляют статистические данные, материалы анкетных опросов, интервью, воспоминания, документы правительственных учреждений, международных и эмигрантских организаций из архивов России, Франции, Швейцарии, Великобритании, США. Особую группу составляют устные источники, в первую очередь — фонд Клода Верника (86 интервью, записанных во второй половине 1960-х гг.), устный и письменный опрос русских эмигрантов во Франции, предпринятый автором книги в 1982–1994 гг. (54 биографии). Впервые вводятся в научный оборот обработанные анкеты русских эмигрантов из архива Французского бюро защиты беженцев и апатридов (OFPPA). Организация была создана в 1952 г., унаследовав архивы комитетов по делам беженцев, существовавших в межвоенный период (в частности, Центрального офиса по делам русских беженцев, Центрального армянского офиса, Грузинского офиса). С 1952 г. все русские беженцы, попавшие во Францию в межвоенный период, обязаны были зарегистрироваться в OFPPA, что они и сделали в 1950-х гг. Руководители архива оценивают общий объем дел русских беженцев в 10 тысяч единиц. Статистический анализ выборки 1476 дел (т. е. более 10 % от общего числа) позволил прийти к весьма интересным выводам и новым количественным данным. Историк заключает, что 88 % дел относится к беженцам, уехавшим из России во время революции и Гражданской войны, 5 % — к тем, кто приехал во Францию в 1900–1914 гг., а 7 % — к беженцам послевоенного периода².

Говоря о численности послереволюционной волны русской эмиграции, надо отметить, что решение этого вопроса является ключевым при изучении этого феномена во всем его многообразии. Но как ни странно, именно по нему в науке нет единого мнения³. Катрин Гусефф выявляет причины завышения данных, как то: стремление международных организаций привлечь внимание европейских государств к проблеме управления массовыми миграциями, стремление русских эмигрантов заявить о себе как о самостоятельном акторе международных отношений, стремление некоторых государств подчеркнуть свою исключительную роль в решении беженского вопроса. При этом международная статистика, распространяемая через Верховный комиссариат по делам русских беженцев при Лиге Наций, основывалась не на данных национальных статистических служб, а на заявлениях и докладах правительств этих государств, т. е. всегда находилась под влиянием политического

² Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы). М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 306–307.

³ Обзор источников и историографии данного вопроса см.: Хрисанфов В. И., Турыгина Н. В. К историографии вопроса о численности русской эмиграции во Франции в 1920–1930-е гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2014. № 3. С. 17–27.

дискурса. На основании национальной статистики и данных переписей населения Франции К. Гусефф оценивает русское присутствие в этой стране в 100–150 тысяч на 1920-е гг., 70–80 тысяч на 1930-е гг., менее 50 тысяч на 1946 г., а общее число русских беженцев автор оценивает в 700 тысяч человек⁴. Эти цифры согласуются с результатами работы профессора Санкт-Петербургского университета В. И. Хрисанфова, который после обработки материалов эмигрантской периодической печати пришел к схожим выводам⁵. Надо полагать, что результаты исследований, проводившихся параллельно не одно десятилетие разными учеными без связи друг с другом и с опорой на разные материалы, не являются случайным совпадением. Хочется верить, что в современных исследованиях перестанут мелькать завышенные цифры, а ученые проявят известную долю научного скептицизма.

Одним из достоинств книги является доступность изложения материала, что расширяет ее аудиторию и облегчает восприятие статистических данных, не умаляя ни в коей мере научную ценность издания. Несомненно, это заслуга не только автора, но и переводчика Э. Кустовой и научного редактора М. Байсвенгер. Тем не менее технических неточностей, к сожалению, избежать не удалось: например, употребление понятия «поверенные грамоты», тогда как в дипломатической практике применяется термин «верительные грамоты»⁶.

Монография состоит из трех частей. В первой части «Послевоенная Европа и проблема русских беженцев» рассматриваются такие вопросы, как истоки и сценарии русского рассеяния по Европе, траектории перемещения в 1920-е гг., позиция Европы, Франции и СССР в вопросе о русских беженцах в 1920–1925 гг. Хотя обстоятельства отъезда и траектории перемещения беженцев по России и за ее пределы не раз обсуждались в научной литературе, К. Гусефф на основании анализа личных дел беженцев, хранящихся в OFPRA, приходит к новым выводам. Так, российские иммигранты, оказавшиеся во Франции, происходили главным образом из европейской части страны, при этом среди них преобладали уроженцы южных регионов, особенно выходцы из крупных городов Украины и казацких станиц. А жители Москвы и Петрограда, по подсчетам историка, составили около одной пятой от общего числа беженцев. Данное наблюдение автора заставляет усомниться в справедливости утверждений, согласно которым эта эмиграция по своему этническому составу была русской⁷. Анализ социального состава русской диаспоры приводит к заключению, что и так называемая элита царской России составляла лишь верхушку социальной пирамиды, а основная масса была представлена новыми средними классами⁸. Что касается военных, то только 70 % мужчин-беженцев, отнесших себя к этой категории, сражались против большевиков; остальные либо принимали участие в боях на фронтах Первой мировой войны, либо вообще не были мобилизованы, а только прошли службу⁹. Таким образом, по мнению автора, в масштабах всей Европы «белоэмигранты» составляли лишь небольшую часть российских беженцев, но их массовое присутствие и роль в организации крупномасштабных эвакуаций с Черноморского побережья привели к формированию устойчивых образов в коллективной памяти русской диаспоры во Франции. Отметим также, что международная

⁴ Гусефф К. Русская эмиграция во Франции... С. 11, 62–63, 303.

⁵ Хрисанфов В. И. Российский «исход»: мифы и реальность. Историографическое исследование о численности «первой волны» российской эмиграции 1917–1920 гг. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2014.

⁶ Гусефф К. Русская эмиграция во Франции... С. 270.

⁷ Там же. С. 47.

⁸ Там же. С. 50.

⁹ Там же. С. 51.

помощь была сосредоточена именно на этом потоке, в ущерб не менее (а возможно, более) крупному миграционному потоку через территорию Польши в направлении Германии, что также сыграло свою роль в формировании мифа о «белоэмигрантах».

Во второй части «Русские беженцы в мозаике французской иммиграции в межвоенный период» внимание сосредоточено на сравнении коллективного поведения русских беженцев и иностранных иммигрантов во Франции в 1920–1930-е гг. Согласно переписи населения 1931 г., на территории Франции проживало около трех миллионов иностранцев, приток которых был обусловлен дефицитом рабочих рук, нужных для восстановления страны после Первой мировой войны¹⁰. Удельный вес русских беженцев на этом фоне оставался незначительным. К. Гусефф отмечает недифференцированный подход к беженцам и общей массе иммигрантов. Политика предоставления убежища, проводимая французскими властями в 1920-е гг., была неотделима от общей иммиграционной политики тех лет, в результате чего русские беженцы нередко рассматривались как так называемые экономические иммигранты, а это накладывало дополнительные ограничения в правах.

В этой части также рассматривается расселение и трудоустройство русских беженцев в Париже и провинции. Именно сосредоточение беженцев в столице стало одной из главных особенностей русской иммиграции, отличавших русских от других иностранцев, приехавших в тот период. Рассматривая различные модели адаптации, автор подчеркивает ключевую роль элит в формировании внутриобщинных связей, оказывавших моральную и экзистенциальную поддержку всем членам русской диаспоры. Именно активность элит и породила миф о ее преобладании в эмиграции.

А вот появление русских во французской провинции в 1920-е гг. вписывается в контекст массовой иммиграции. По результатам статистической обработки архивов OFPRA, 50 % русских приехали во Францию «работать»¹¹. Для географии расселения выходцев из России в этот период характерна высокая степень рассредоточенности по всей стране небольшими группами по 100–300 человек, что отражало политику коллективного найма рабочих.

Экономический кризис внес свои коррективы: возросли случаи обеднения и маргинализации. Однако при этом наблюдалась и противоположная тенденция — социальное восхождение. К сожалению, автор указывает на невозможность количественно оценить этот процесс ввиду ограниченности источников.

В этой части монографии заслуживают внимания графики натурализации иностранцев и русских в межвоенный период, которые отражают сходство в коллективном поведении иммигрантов¹². Интересно следующее наблюдение. Если в 1920-х гг. среди русских, принявших французское гражданство, преобладали дореволюционные эмигранты, то в 1930-х гг. большинство натурализовавшихся русских были эмигрантами времен Гражданской войны, хотя считалось, что именно они болезненнее реагируют на смену национальной идентичности, а кроме того — пользуются особым правовым статусом, считавшимся альтернативой натурализации.

Становлению статуса беженца в международной правовой практике посвящена третья часть книги «Убежище и изгнание: основные отличия». К. Гусефф отмечает тесное сотрудничество в выработке правовых норм международных организаций, правительств государств и представителей самой диаспоры в лице Комиссии русских и армянских юристов.

¹⁰ Там же. С. 111.

¹¹ Там же. С. 169.

¹² Там же. С. 223, 226.

Выработанный таким образом статус беженца, однако, не привел к возникновению устойчивой модели. Это был переходный этап от традиционной модели покровительства, основанной на взаимодействии частных групп беженцев с представителями государства, к современной концепции убежища, которая лишает беженцев какой-либо активной роли и переводит проблему в публичную сферу. В 1920–1930-е гг. беженцы, таким образом, воспользовались одновременно официальным признанием на государственном и международном уровне и — благодаря своим офисам — определенной автономией. Автор призывает не отождествлять эту автономию со сколь-либо привилегированным положением русских беженцев, поскольку на практике они отождествлялись с апатридами и зависели от национальной конъюнктуры, подчиняясь законодательству, регулирующему права иностранцев.

Русской диаспоре пришлось самой защищать интересы своих членов, что осуществлялось через различные организации. Историк подробнее останавливается на деятельности, прежде всего, Центрального офиса по делам русских беженцев, Эмигрантского комитета и Земгора, отмечая высокую роль бывших практиков управления российским государством в этом вопросе. К. Гусефф заключает, что существование общинной структуры, сочетавшей представительство с социальной помощью, отчетливо выделяет русскую эмиграцию на фоне других национальных групп, находившихся на французской территории.

Представленный обзор монографии позволяет с уверенностью сказать, что в работе французского историка последовательно развенчиваются некоторые мифы о русской эмиграции, укоренившиеся как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Новые количественные данные и приведенные автором демографические диаграммы заставляют по-новому взглянуть на сам феномен «Зарубежной России». При этом К. Гусефф не претендует на всеобъемлющий характер своих изысканий и выводов и обозначает те вопросы, которые требуют дальнейшего изучения и ждут своего исследователя, как-то: проблема репатриации русских беженцев в 1920-х гг., адаптация русских беженцев в провинции и роль внутриобщинных связей, социальное восхождение молодого поколения послереволюционной волны эмиграции, история организаций эмигрантов, обеспечивавших их защиту и социальную помощь.

Данные о статье

Автор: Турыгина, Наталья Валерьевна — аспирант, кафедра исторического регионоведения, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет; редактор, Управление научных исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, turyginan@mail.ru

Заголовок: Беженцы, апатриды, иммигранты: новый взгляд

Резюме: В статье представлена рецензия на монографию французского историка-демографа К. Гусефф «Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы)». Хотя проблема статуса беженца и феномен Зарубежной России в межвоенный период не раз были предметом научных исследований, по мнению рецензента, эта работа заслуживает внимания. Вводимые в оборот статистические данные демографических процессов позволяют по-новому взглянуть на это явление в контексте мировых событий изучаемого периода.

Ключевые слова: беженец, апатрид, иммиграционная политика, Франция, Верховный комиссариат по делам русских беженцев

Литература, использованная в статье

Гусефф, Катрин. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы). Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

Хрисанфов, Валентин Иванович. Российский «исход»: мифы и реальность. Историографическое исследование о численности «первой волны» российской эмиграции 1917–1920 гг. Санкт-Петербург: Культурно-просветительское товарищество, 2014. 196 с.

Хрисанфов, Валентин Иванович; Турыгина, Наталья Валерьевна. К историографии вопроса о численности русской эмиграции во Франции в 1920–1930-е гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2014. № 3. С. 17–27.

Gousseff, Catherine. L'exil russe. La fabrique du réfugié apatride (1920–1939). Paris: CNRS Éditions, 2008. 335 p.

Information about the article

Author: Turygina, Natalya Valeryevna — graduate student, Institute of History, St. Petersburg State University; editor, Office of the scientific researches, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, turyginan@mail.ru

Title: Refugees, stateless persons, immigrants: a new view

Summary: The article presents the review on the monograph «Russian Emigration in France: social history (1920–1939)» by French historian and demographer C. Gousseff. Although the problem of refugee status and phenomenon of Russia Abroad during the inter-war period became the object of numerous scientific researches, the reviewer observes the book a trustworthy study. Statistical data of demographic processes introduced into practice enable to consider this phenomenon in a new way.

Keywords: refugee, stateless person, immigration policy, France, High Commission for Refugees

References

Gousseff, Catherine. *L'exil russe. La fabrique du réfugié apatride (1920–1939)* [*The Russian exile. The factory of stateless refugee. (1920–1939)*]. Paris: CNRS Éditions, 2008. 335 p. (in French).

Gousseff, Catherine. *Russkaya emigratsiya vo Frantsii: sotsialnaya istoriya (1920–1939 gody)* [*Russian Emigration in France: social history (1920–1939)*]. Moscow: New Literary Review Publ., 2014. 328 p. (in Russian).

Khisanfov, Valentin Ivanovich. *Rossiyskiy «iskhod»: mify i realnost*. Istoriograficheskoe issledovanie o chislennosti «pervoy volny» rossiyskoy emigratsii 1917–1920 gg. [*The Russian Exodus: myths and reality: the historiographical research on the number of the Russian emigrants of the first wave (1917–1920)*]. St. Petersburg: Cultural and Educational Association Publ., 2014. 196 p. (in Russian).

Khisanfov, Valentin Ivanovich; Turygina, Natalya Valeryevna. K istoriografii voprosa o chislennosti russkoy emigratsii vo Frantsii v 1920–1930-e gg. [To the historiography of the quantitative characteristics of the Russian emigration in France in the 1920–1930s], in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Series 2: History. 2014. № 3. P. 17–27 (in Russian).